

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

КАРАКОРУМ И ВУЛКАН ХОРГО

Аннотация. В статье высказывается гипотеза о происхождении названия столицы Монгольской империи — города Каракорум от имени ставки уйгурского Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.), находившейся посреди священной прародины уйгуров, близ потухшего вулкана Хорго.

Ключевые слова: Каракорум, уйгуры, Элетмиш Бильге-каган, вулкан Хорго, Тэрхинская стела, стела из Могон Шине-Усу.

Среди загадок мировой истории, не имеющих однозначного истолкования, можно, пожалуй, поместить и вопрос о том, почему столица Монгольской империи — город Каракорум получила это имя. Настоящая статья не претендует послужить исчерпывающим ответом на поставленный вопрос. Ее назначение — предложить гипотезу и выдвинуть имеющуюся на данный момент аргументацию. В своих рассуждениях мы исходим из двух постулатов, основанных на анализе источников и массива исследовательской литературы: 1) приказ о постройке Каракорума отдал Чингис-хан около 1220 г., а фактически город начал застраиваться в 1235 г. хаганом Угэдэем; 2) место для закладки города и его имя были предложены уйгурскими советниками Угэдэя.

Тюркские слова «кара» и «корум», входящие в название средневековой монгольской столицы, полисемантичны, поэтому возможны различные толкования значения топонима Каракорум. Мы ограничиваемся рассмотрением только одного, наиболее употребительного значения каждого из них: «кара» — «черный», «корум» — «каменная осыпь»; следовательно, имя города можно перевести как «осыпь черных камней» [Древнетюркский словарь 1969, с. 460; Clauson 1972, с. 643–644, 660]¹.

Относительно появления этого названия существует несколько версий, причем расхождения во взглядах начались уже в XIII–XIV вв. В форме Caracorou оно впервые зафиксировано в сообщении Плано Карпини, а его наиболее ранняя трактовка встречается в труде Джувейни, законченном в 1260 г.: «Мнение уйгуров таково, что начало их поколения и приумножения

¹ Тюркское слово «корум» вошло в русский язык, в том числе в научную литературу, для обозначения каменных осыпей в горах (иногда их называют «курумниками»). Здесь же можно вспомнить горную систему Каракорум в Центральной Азии на границе Индии, Пакистана и Китая, одну из высочайших в мире (средняя высота более 6 тысяч метров).

было на берегах реки Орхон, стекающей с горы, которую они называют Кара-Корум; город, построенный Каном (Угэдэем — Ю. Д.) в нынешнем веке, тоже зовется по имени этой горы» [Juvaini 1997, с. 54]. Как известно, Орхон берет начало в горах Хангая, следовательно, можно думать, что Хангай и Каракорум — монгольское и тюркское названия одной и той же горной системы, как мы и полагали ранее [Дробышев 2012, с. 19, 20]. Казалось бы, вполне можно удовлетвориться этим объяснением, но, во-первых, сообщение Джувейни требует проверки в свете других источников и, во-вторых, остается неясным, почему эти горы были названы именно так. Если мы придерживаемся вышеуказанного значения слова «каракорум», то возникают новые вопросы: где там находятся черные осыпи, достаточно большие, чтобы по ним дать название всей горной системе, и почему монгольский хаган и его свита приняли предложение уйгуров о наименовании своей столицы Каракорумом — словом из чужого языка?

Позже была высказана другая точка зрения. В «Юань ши» имеется утверждение, что Каракорум получил свое название в связи с тем, что к западу от него протекает речка Ха-ла хэ-линь (Qara Qorum) [Мункуев 1965, с. 125]. Это высказывание было убедительно опровергнуто П. Пелльо [Pelliot 1959, с. 166]. Однако оно могло быть не столько ошибочно прочитано, сколько неверно интерпретировано. Западнее Каракорума, действительно, имеется река, которая вполне могла так называться. Это современный Чулуут, или Каменная река, тоже стекающая с северного макросклона Хангая и впадающая в Идэр и, далее, в Селенгу. Местами река течет в глубоком, до 30–40 м, каньоне, проточенном в черных базальтах, и ее обрывистые берега представляют собой черные каменные осыпи. Современное название этой реки монгольское; какое имя она носила в древнетюркскую и уйгурскую эпохи, нам неизвестно, но можно предположить, что слово «каракорум» могло в нем присутствовать. Пожалуй, действительно серьезная неувязка, сильно снижающая ценность китайского сообщения, заключается в довольно большом расстоянии, разделяющем Каракорум и Чулуут, причем между ними, помимо Орхона, находятся еще реки Хануй и Тамир.

Оба варианта рассматриваются в последние годы большинством монгольских ученых как исходные для дальнейших изысканий, причем многие склоняются к мнению, что правильным вариантом написания должно быть не Хархорум, а Хар хүрэм. Слово «хүрэм» в современном монгольском языке означает «базальт, базальтовый», и этот факт служит основой нередко высказываемых предположений, что наличие в Хангае базальтов и было причиной назвать монгольскую столицу в XIII в. именно так [Жамсран 2003, х. 3–6]. Однако данное мнение следует признать ошибочным, поскольку

ку превращение тюркского «корум» в монгольское «хүрэм» невозможно, так как эти слова относятся к разным гармоническим рядам¹. Кроме того, базальты выходят на поверхность достаточно далеко от Каракорума. Возвышающаяся западнее гора Малахитэ в этом отношении не выделяется среди других таких же гор; нет выдающихся черных осыпей на Эрдэни-уле и других окрестных горах.

Ближайшее место, вполне соответствующее понятию «*каракорум*», расположено в сомоне Тариат Архангайского аймака в трех километрах восточнее озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур. Это большое, площадью в несколько квадратных километров, зрелищное поле черной застывшей лавы с листовенничным редколесьем, распростершееся у подножия вулкана Хорго, склоны которого усеяны черными лавовыми обломками. Хотя извержение произошло тысячелетия назад, лавовое поле выглядит удивительно свежим. Лиственницы, растущие на застывшей лаве близ Хорго, были использованы специалистами для анализа изменений климата за последние 1 112 лет [Pederson et al. 2014, с. 1–5]. Это означает, что возраст некоторых деревьев здесь превышает десяток веков.

Сам вулканический конус невелик, он возвышается примерно на 130 м над окружающей местностью. К северу от него тянется хребет Тарбагатай, превышающий 2 500 м. Ширина главного кратера вулкана около 330 м, глубина порядка 70 м. На вершину по наиболее пологому и низкому юго-западному склону ведет тропа, в настоящее время частично благоустроенная (сделаны цементные ступени). Сюда поднимаются не только туристы, но и паломники, причем последние для совершения обрядов поклонения вулкану иногда спускаются в его кратер. С 1965 г. эта территория общей площадью 77 267 га объявлена заповедной и сейчас имеет статус национального парка. На северном берегу озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур созданы кемпинги. Само оно возникло в результате запруживания потоками лавы реки Хойт-Тэрхийн-гол. Позже река смогла пропилить в остывшем базальте новое русло.

По-видимому, первое описание Хорго, правда, весьма невнятное, сделал Д. А. Клеменц, который поднимался на этот вулкан в 1895 г. и промерял его шагами [Клеменц 1897, с. 157–159]. Впоследствии в этом районе работали советские, а затем и монгольские геологи. Из опубликованных материалов, наиболее полное описание Хорго и окружающей местности принадлежит Ю. О. Липовскому [Липовский 1987, с. 50–88].

Мифопоэтическое сознание кочевников породило легенду о происхождении этого вулкана. Интересно, что в увязке с генезисом вулкана рас-

¹ Консультация П. О. Рыкина (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург).

сказывается об озере, которое, согласно геологическим данным, возникло именно вследствие вулканической деятельности. Правда, в легенде эти события поменялись местами, и появление вулкана поставлено в зависимость от озера.

В одной долине был колодец, щедро дававший пресную воду. Люди пригоняли к нему свой скот на водопой. В этой долине жил пастух со своей женой. У них был сын — богатырь. Он встретил девушку, и между ними вспыхнула любовь. Однажды молодые люди так увлеклись друг другом, что забыли закрыть колодец и не сразу заметили, как вода из него растеклась и затопила все вокруг. Так образовалось озеро Тэрхийн-Цагаан-Нуур. Тогда юноша отломил вершину ближайшей горы и накрыл ею колодец. Вода перестала вытекать, а в озере из горной вершины получился остров, который существует и поныне. Но дух-хозяин горы разгневался и стал выбрасывать из недр огонь и расплавленные камни. Это и был вулкан Хорго. Чтобы успокоить гневного духа, мама юноши пошла к вулкану, совершила подношение и прочла молитву, после чего извержение прекратилось. С тех пор успокоившийся дух горы не тревожит людей¹.

К сожалению, время возникновения этой легенды вряд ли когда-либо удастся определить. Было бы очень соблазнительно предположить, что она была сложена непосредственными свидетелями извержения или их ближайшими потомками, и потом передавалась из уст в уста в течение многих веков, несмотря на смену этносов в долине и ее окрестностях, но подтверждений этому предположению пока не найдено. Согласно датировке, полученной в результате исследования донных отложений озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, извержение произошло около семи тысяч лет назад [Севастьянов, Дорофеев, Лийва 1989, с. 223–227; Девяткин 2004, с. 102–114], поэтому легенда может иметь довольно позднее происхождение.

Однако от Хорго до Каракорума порядка 200 км по прямой, а в горных условиях Хангая, где нет прямых дорог, путь насчитывает не менее 300 км. Это слишком большое расстояние, чтобы по имени этого природного феномена, каким бы впечатляющим он ни представлялся, называть город. Тем не менее, между вулканом и монгольской столицей могла существовать связь, для поиска которой обратимся к уйгурским руническим памятникам.

В Тэрхинской надписи дважды говорится об учреждении уйгурским Элетмиш Бильге-каганом (747–759 гг.) своей ставки и обнесении ее стенами

¹ Информант: Сандаг Хадбаатар, 1974 года рождения, кандидат географических наук, доцент Монгольского государственного университета образования, г. Улан-Батор.

«посредине Отыюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан» [Кляшторный 1980, с. 92, 94]. Учитывая, что стела с надписью обнаружена в местечке Долон-мод на территории современного сомона Тариат в двух километрах к югу от склонов хребта Тарбагатай и 12 км западнее озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, а в самой надписи говорится о распоряжении кагана вырезать ее на камне там, где была учреждена его ставка, можно предположить местонахождение центра священной прародины уйгуров — Отыюкена — именно здесь.

В пользу этого предположения говорит следующее наблюдение. Обращает на себя внимание чередование употребления Элетмиш Бильге-каганом определений «там» (*anta*) и «здесь» (*bunta*) в надписях на стелах по отношению к своим ставкам, а также к местонахождению «плоских» и «грузных» камней, на которых он повелел начертать свои «вечные письма», и соотнесение этих объектов с центром Отыюкена. В Тэрхинской надписи «здесь» — это местность к западу от озера Тэрхийн-Цагаан-Нуур, близ священной горной вершины: «Я провел лето посредине Отыюкена, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан. Я повелел поставить **здесь** (свою) ставку и возвести **здесь** стены. Свои вечные письма и знаки **здесь** на плоском камне я повелел вырезать...» [Кляшторный 1980, с. 92; Tekin 1983, с. 50; Кляшторный 2010, с. 41]. В надписи из Могон Шине-Усу, найденной финской экспедицией Г. И. Рамstedта и С. Пяльси в 1909 г. на территории нынешнего сомона Сайхан Булганского аймака, в южной безлесной части долины Ургету [Рамstedт 1914, с. 34–49], об этом же самом месте сказано несколько иначе: «**там** я провел лето, **там** я велел устроить свой дворец, **там** я велел построить стены» и **там** же велел вырезать на камне свои «тысячелетние знаки» [Малов 1959, с. 40; Кляшторный 2010, с. 63]. Кроме того, эта надпись добавляет, что где-то в том месте сливаются реки Ябаш и Тукуш [Рамstedт 1914, с. 43; Малов 1959, с. 40; Кляшторный 2010, с. 63]. Вероятнее всего, это нынешние Хойт-Тэрхийн-Гол и Урд-Тэрхийн-Гол. За священную вершину можно принять потухший вулкан Хорго, находящийся к северо-востоку от Тэрхийн-Цагаан-Нуура и от каганской ставки. Его необычная внешность, с глубоким, частично заросшим лесом кратером, иногда наполняемым дождевой водой, по-видимому, должна была производить на кочевников достаточно сильное впечатление.

Долина Хойт-Тэрхийн-гола, которую можно принять как центр уйгурского Отыюкена, относительно широкая, местами заболоченная, обильная водой и травой, прохладная летом и без мошки. Эта местность издавна привлекала охотников и скотоводов. Здесь обнаружены курганы двух-трехтысячелетней давности и наскальные рисунки, которым не менее пяти

тысяч лет [Кляшторный 2010, с. 28]. Почему же уйгуры не застроили ее и не сделали центром своей империи? Видимо, было, как минимум, две причины. Во-первых, долина недостаточно обширна, чтобы вместить большое народонаселение и, главное, стада скота. Во-вторых, несмотря на свою хорошую естественную защищенность от неожиданных нападений, она занимала не самое выгодное положение как административный центр. В то же время долина Орхона уже давно служила местонахождением ставок тюркских каганов и, возможно, более ранних кочевников. Естественные исследования подтверждают, что номады в течение, по крайней мере, трех тысяч лет выбирали долину Орхона, в частности, благодаря стабильности и благоприятности условий природной среды [Schwanghart, Schütt, Walther 2008, p. 995]. Природно-климатические условия орхонской долины подробно охарактеризованы в трудах Монголо-немецкой каракорумской экспедиции [Schwanghart, Möller, Schütt 2008, p. 28–44]. Следовательно, крайне маловероятно, чтобы уйгуры порекомендовали Угэдэю заложить столицу на берегах Тэрхийн-Цагаан-Нуура. Имперская традиция прочно закрепилась в долине Орхона.

Выше мы предположили, что недалеко от вулкана Хорго находилась центральная походная ставка Элетмиш Бильге-кагана, теперь можно пойти дальше и высказать догадку, что она-то и могла называться Каракорумом. Возможно, Элетмиш Бильге-каган вошел в народную память номадов как фактический создатель Второго Уйгурского каганата (744–840 гг.) и был для уйгуров личностью, сопоставимой с личностью Чингис-хана для монголов, поэтому название его орды передавалось из поколения в поколение, даже если сама она просуществовала недолго, уступив пальму первенства Орду-Балыку на Орхоне. Джувеини сообщает, что столица Монгольской империи тоже называлась Орду-Балык, хотя лучше известна под именем Каракорума [Juvaini 1997, с. 55–56]. То, что обе ставки — уйгурская и монгольская — имели одинаковое имя, неудивительно, так как название «Город-дворец» отвечало их высокому статусу, а легендарное название Каракорум могло оказаться актуальным в XIII в., когда потребовалось дать достойное имя столице победоносного монгольского государства.

Дополнительным фактором, подтверждающим, как нам кажется, «вулканическую» гипотезу, служит легенда о чудесном происхождении уйгурских каганов, изложенная Джувеини: «Между этими двумя деревьями возник большой холм, и свет опускался на него с неба; и день за днем холм становился больше. Увидев это странное зрелище, уйгурские племена исполнились изумления; и с почтением и смирением приблизились они к холму: они слышали сладкие и приятные звуки, подобные пению. И каждую ночь

свет освещал пространство на тридцать шагов вокруг этого холма, и точно так же, как беременная женщина в момент своего разрешения, открылась дверь, и внутри оказались пять отдельных комнат, похожих на шатры, в каждой из которых сидел мальчик...» [Juvaini 1997, с. 236].

Содержащиеся в этой легенде подробности можно попытаться интерпретировать как переосмысленные еще в глубокой древности воспоминания о вулканическом извержении. Упомянутый здесь холм, конечно, напоминает о «мировой горе», в которой или с помощью которой зарождается герой; вместе с тем, ежедневное увеличение этого холма похоже на закономерный рост вулканического конуса. Спускающийся свет мог на самом деле исходить из недр вулкана, но, согласно устойчивому мифологическому клише, зачатие героя происходит в результате нисхождения с неба света либо какого-то иного небесного явления. Впрочем, по утверждениям вуканологов, различные световые эффекты могут возникать в сейсмически активных зонах и без извержения, вследствие напряженности геомагнитного поля. Изумление свидетелей вулканической деятельности закономерно. На территории современной Монголии Хорго — самый молодой вулкан и, скорее всего, единственный, чье извержение могло наблюдаться древними насельниками этого региона. Можно спорить насчет «сладости» звуков, сопровождающих извержение, но, надо полагать, какие-то звуки должны были быть слышны. Любопытно отметить и такое совпадение: количество «комнат» с мальчиками равно количеству обнаруженных близ Хорго лавовых пещер, одна из которых, имеющая название «Ад желтой собаки», отличается особенно крупными размерами. Когда-то из этих пещер вытекала раскаленная лава. Кроме того, на территории сомона Тариат находится вулканическое образование, которое называют «Каменной юртой», представляющее собой, вероятно, большой лавовый пузырь. Наконец, даже обнаружение в пещере младенца (разумеется, спустя много времени после извержения) нельзя считать чем-то невероятным.

Отдельную сюжетную линию представляют сообщения о «расчленении» священной горы уйгуров.

В 924–925 гг. основатель киданьского государства Абаоцзи (907–926 гг.) снарядил экспедицию в степи против туюхуней, дансянов и цзубу. В девятом месяце 924 г. он прошел через долину Орхона, где приказал стереть надпись на стеле в честь уйгурского Бильге-кагана и вместо нее высечь надпись по-киданьски, по-тюркски и по-китайски, чтобы увековечить свои славные деяния, а также распорядился совершить ритуальные действия: «[В день] *дин-сы* [приказал] зачерпнуть воды из Цзиньхэ (金河), взять камней с горы У-шань (烏山), приказал на носилках доставить их к Желтой

реке и горе Муешань, чтобы обозначить мысль, [что эти] гора и река [как бы] являются ко двору, [дабы выразить покорность] океану и Пику предков...» [Дмитриев 2011, с. 167–168].

Где именно находилась гора У-шань, то есть Черная гора, из текста не ясно, поэтому можно допустить ее локализацию не где-то на берегах Орхона близ бывшей уйгурской столицы, а в глубине Хангая. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не препятствуют предположению, что У-шань и Хорго — один и тот же природный объект, тем более что Хорго имеет черный цвет.

Можно ли понимать сообщение источника о взятии воды и камней буквально? По-видимому, да. Такое «явление ко двору» предметов с сакральных мест должно было означать присоединение сакральной силы уйгуров к силе киданей. В этом смысле, чем-то подобным занимались в этих же местах монголы в первой половине XIII в. По мнению Т. Олсена, они занялись в долине Орхона историческими и археологическими исследованиями, чтобы гарантировать правильное место расположения столицы, и намеревались присвоить спиритуальную силу Отюкена [Allsen 2009, p. 2]¹.

К более ранней эпохе отсылает легенда о разрушении священной горы уйгуров коварными китайскими согладателями: «Танский посол вместе со специалистом по геомантии прибыл в это государство, [и тот] сказал: «Прцветание и сила Хэлиня — из-за того, что есть эта гора. Удали или разрушь эту гору, чтобы ослабить их». Тогда [посол] заявил кагану следующее: «Поскольку был заключен брак, у [нас] есть просьба к кагану, согласится ли он? Камни Счастливой горы, в Вашем государстве негде применить их [с пользой], а в Тан — это вещь, которую редко видят». [И каган] согласился на это. Камни были столь велики, что их невозможно было сдвинуть, [тогда] танец приказал развести огонь и раскалить их, брызгать [на раскаленные камни] вином и уксусом, [так] раскололи камни на мелкие кусочки и унесли их на носилках. [После этого] птицы и звери в государстве горестно рыдали из-за этого, и через семь дней каган скончался. Начиная с этого времени в государстве было много бедствий и зловещих знамений, народу негде было спокойно жить, из тех, кто наследовал трон, многие стинули» [Дмитриев 2011, с. 170].

Что здесь соответствует истине, так это заключение брака между уйгурским каганом и китайской принцессой. Всё остальное — миф. Каганат был уничтожен енисейскими кыргызами, а не танским Китаем, для которого уйгуры были союзником в борьбе с внешней и внутренней угрозой. Безус-

¹ См. также: [Atwood 2013, p. 315–343].

ловно, их услуги обходились Поднебесной дорого, но не настолько, чтобы рушить священные уйгурские горы.

Однако, как известно, мифы не возникают на пустом месте. Понятие об интегрирующей, покровительствующей роли родовой горы, о которой идет речь в цитированном пассаже из «Юань ши», относится к числу архетипических для Центральной Азии. Пока гора пребывает в целости, и на ней (или у ее подножия) члены рода совершают регулярные жертвоприношения, она гарантирует сохранение стабильности микрокосма родовой территории. Соответственно, ее осквернение чревато обрушением миропорядка. Именно это и изображено столь живописно в источнике.

Легенда оказалась очень живучей, обитатели орхонской долины хорошо помнили ее даже в конце XIX в. Монголы называли гору так же, как и уйгуры — Гора Счастья (по-монгольски Эрдэни-ула) и рассказывали, что здесь было закопано монгольское счастье, но китайцы разломали гору и увезли в Пекин. Вместе с горой в Китай ушло и монгольское счастье, поэтому китайцы стали богатыми, а монголы обеднели. Однако, в отличие от уйгурской легенды, монгольская имела оптимистичный финал. Одна старуха села на том месте, где была гора, и стала призывать благополучие — *талаху*, отчего степь там получила название Далалхайн-тала. Она оставила китайцам золото и серебро, а монголам возвратила счастье, состоявшее в плодородии скота [Радлов 1892, с. 91–92]. Ни о каких уйгурах нет и речи, зато основные идеи переданы точно.

В легенде говорится не просто о Счастливой горе (Кут-таг), а о лежащих на ней камнях, которые требовалось унести, чтобы ослабить каганат. Было ли это древнее центрально-азиатское святилище типа обо или какое-то каменное сооружение, мы не знаем. Заслуживает внимания упоминание термического воздействия на священные камни. При всей реалистичности этого момента, нельзя ли видеть здесь намек на какое-то геологическое событие?

Известно, что район Хангайских гор сейсмически активен. Хотя данных о землетрясении около 840 г., когда пал Уйгурский каганат, не обнаружено, не исключено, что оно могло произойти и вызвать обрушение части священной горы уйгуров. Уместно будет вспомнить о названии Сюнгюз рунических памятников, которое, возможно, произошло от древнетюркского *süñü* («копье»). Ни в долине Орхона, ни у берегов Тэрхийн-Цагаан-Нуура ныне не видно копьевидных гор. Имея в виду, что никакие китайцы на самом деле не хозяйничали на священных вершинах Уйгурского каганата, можно предположить разрушение святилища от естественных причин, причем само оно могло иметь копьевидные очертания. Когда лава при извержении

бывает очень вязкой, она порой застывает, не растекаясь, и формирует так называемый вулканический обелиск высотой в несколько десятков и даже сотен метров. Такие обелиски известны в США, Африке, Средиземном море. Не был ли уйгурский Сюнгюз таким обелиском? Справедливости ради нужно отметить, что осмотр кратера Хорго, произведенный нами летом 2014 г., не выявил признаков некогда существовавшего обелиска, но нет никаких оснований утверждать, что он должен был находиться обязательно близ Хорго.

Таким образом, мы полагаем, что в названии Каракорум с подачи уйгурских советников могло отразиться имя ставки уйгурского Элетмиш Бильге-кагана близ потухшего вулкана Хорго. Насколько данное предположение соответствует действительности, могут дать ответ лишь более углубленные изыскания на грани гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Библиография

1. Девяткин 2004: *Девяткин Е. В.* Геохронология кайнозойских базальтов Монголии и их связь со структурами новейшего этапа // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2004. Т 12. № 2. С. 102–114.
2. Дмитриев 2011: *Дмитриев С. В.* Каракорум, Отыкен и ранняя история уйгуров // Тюркологический сборник 2009–2010. М., 2011. С. 152–179.
3. Древнетюркский словарь 1969: *Древнетюркский словарь.* Под ред. В. М. Насидова, Д. М. Насидова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.
4. Дробышев 2012: *Дробышев Ю. И.* Средневековый Отыкен // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 5–22.
5. Жамсран 2003: *Жамсран Л.* «Хархорин» гэдэг нэрийн тухайд // Монгол түүх судлалын өгүүллүүд II. Улаанбаатар, 2003. Х. 3–6.
6. Клеменц 1897: *Клеменц Д. А.* Заметка о потухших вулканах в Хангае // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. XXVIII. Иркутск, 1897. С. 157–159.
7. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
8. Кляшторный 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
9. Липовский 1987: *Липовский Ю. О.* В Хангай за огненным камнем. Л., 1987.
10. Малов 1959: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., 1959.
11. Мункуев 1965: *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
12. Радлов 1892: *Радлов В. В.* Предварительный отчет о результатах снаряженной с Высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна р. Орхона. Приложение V. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году действительным членом Восточно-Сибирского

Отдела Императорского Географического Общества Н. М. Ядринцевым по поручению Отдела // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I. СПб., 1892. С. 51–113.

13. Рамстедт 1914: *Рамстедт Г. И.* Как был найден Селенгинский камень. Перевод надписи Селенгинского камня // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1914. С. 34–49.

14. Севастьянов, Дорофеюк, Лийва 1989: *Севастьянов Д. В., Дорофеюк Н. И., Лийва А. А.* Особенности возникновения и эволюции вулканогенного озера Тэрхийн-Цаган-Нур в Центральном Хангае (МНР) // Известия Всесоюзного географического общества. 1989. Вып. 3. С. 223–227.

15. Allsen 2009: *Allsen T.* A Note on Mongolian Ideology // *The Early Mongols: Language, Culture and History.* Bloomington, Indiana, 2009. P. 1–8.

16. Atwood 2013: *Atwood Ch. P.* The Uyghur Stone: Archaeological Revelations in Mongol Empire // *The Steppe Lands and the World beyond them.* Iasi, 2013. P. 315–343.

17. Clauson 1972: *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. London, 1972.

18. Juvaini 1997: *Juvaini, A.-M.* The History of the World-Conqueror. Trans. by J. A. Boyle. Manchester, 1997.

19. Pederson et al. 2014: *Pederson N., Hessel A. E., Baatarbileg N., Anchukaitis K. J., Di Cosmo N.* Pluvials, Droughts, the Mongol Empire, and Modern Mongolia // *PNAS Early Edition.* 2014. Pp. 1–5. Адрес доступа: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.1318677111 (дата обращения — 15.03.2015).

20. Pelliot 1959: *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959.

21. Schwanghart, Möller, Schütt 2008: *Schwanghart W., Möller B., Schütt B.* Environmental Characteristics of the Upper and Middle Orkhon Valley, Mongolia // *Mongolian-German Qara Qorum-Expedition, FAAK (Forschungen zur Archäologie Ausseuropäischer Kulturen).* Bonn, 2008. P. 28–44.

22. Schwanghart, Schütt, Walther 2008: *Schwanghart W., Schütt B., Walther M.* Holocene Climate Evolution of the Ugii Nuur Basin, Mongolia // *Advanced in Atmospheric Sciences.* 2008. Vol. 25. № 6. P. 986–998.

23. Tekin 1983: *Tekin T.* The Tariat (Terkhin) Inscription // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* T. XXXVII (1–3). 1983. P. 43–68.

Yuliy I. Drobyshev

KARAKORUM AND KHORGOL VOLCANO

Abstract: In the article a hypothesis is presented about the origin of the name of the Mongolian empire's capital — Karakorum. It is assumed that Karakorum might have been named after the headquarter of Uyghur Elettish Bilge-khagan (747–759), which was located in the middle of sacred Uyghur ancestral homeland close to the extinct volcano Khorgol.

Keywords: Karakorum, Uyghurs, Elettish Bilge-khagan, Khorgol volcano, Terkhin stele, stele from Mogon Shine-Ussu.